

Александр Тимофеевский

Мифология

Вчерашний день

Нам кажется, вчерашний день так близок,
что рядом он,
что вышел прогуляться,
здесь, за угол, совсем недалеко.
Ещё слышны вчерашние слова,
шаги гостей, что допоздна сидели,
прыжок их провожавшего кота.
И много, много
вчерашней мишуры и суеты.
И милое дыхание любимой,
и кажется, что можно ей сказать,
— Ну что ты куksiшься?
Забудь, оставь.
Я что-то брякнул,
и совсем некстати.
Так это ж всё слова,
им грош цена
и, главное, что можно всё исправить.
Вчерашний день — он здесь,
он точно рядом,
как на плите кастрюлька,
только встань, не поленись
и руку протяни.
Да чёрта с два,
нет никакого дня!
Ни за какие деньги
вчерашний день обратно не вернуть.
Он канул в вечность.
Он дальше Фермопил и пирамид.
Он затерялся среди полузабытых,
ну как их там,
живых или убитых
гомеровских героев.
Вот так, мои друзья.

Тимофеевский Александр Павлович — поэт, сценарист. Родился в 1933 году в Москве. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Автор нескольких книг стихов, в том числе «Краштест» (М., 2009), и многих песен, среди которых популярная песенка Крокодила Гены. Лауреат премии СП Москвы «Венец». Живет в Москве.

Фото

На фотографии те двое,
ей двадцать, мне двадцать четыре.
В их лицах что-то есть такое,
что, как намёк, —
они живые.
Такие, может быть, не умирают,
а попадают в параллельные миры.
Вон из египетских песков
прут пирамиды —
углы другого измерения.
Когда-то эти двое повторяли —
Мы уходим с тобой
из этой проклятой системы,
где любовь в чистом виде
не встречается даже местами,
и касаемся пальцев влюблённых
с застенчивой нежностью школьников,
где двум d не равняется сумма углов треугольника.
Вот они и попали туда,
где тела не подвержены тленю,
где сердце живо
четырёхмерной любовью,
а всё, что лживо,
превращается в лепёшки,
в дерьмо коровье.
А может попросту они мне милы.
Их лица на моём столе, а не где-то в мире,
и кажется, они живые,
ей двадцать, мне двадцать четыре.

Эллада

В те времена
Гермес был нашим богом,
бог плутовства, неправды и злословья.
Ведь это он украл у Зевса скипетр,
стащил у Аполлона лук и стрелы
и властвовал над миром.
Да что там Зевс —
был Пушкин оклеветан.
Но мы усердно ходили в храм
и молча
молились богу лжи.
Между тем
любой невинный мог быть обесчещен,
и мы дрожмя дрожали
в наших норах.
Лишь ждали дня,
когда оно случится.
Нас поведут на казнь.
Никто не скажет — хватит!
Народ ликует.

В другом воплощении

Я на траве лежал, уткнувшись в небо,
жевал травинку,
весело мне было.
И ветерок, и запах чернозёма,
и шмель на васильке,
и самое к земле прикосновение —
всё было мило мне.
Я точно знал: я воин,
я землю защищаю от чудовищ.
Одна лишь только мысль меня томила,
а что если чудовище я сам?
Вдруг кто-то сзади подкрался, гад,
и стал меня ломать, такая мать!

Никто ещё не мог меня осилить,
а этот смог, лишь потому что сзади!
Сумел меня поднять,
да так,
что перестал я слышать
дыхание земли.
И шмель на лопухе, и васильки —
всё расплылось.
Он шейные ломал мне позвонки.
Последнее что помню:
я был когда-то Ливии царём,
и люди называли
меня Антеем.

Пустота

Нет, смерть не та,
которая с косой.
Нет, смерть, отнюдь,
не череп со скелетом.
Смерть — пустота,
что наступает в доме,
когда уходит кто-нибудь из близких.
Смерть — оглушающая тишина,
ничто, дыра во времени, зиянье.

Смерть — пустота вокруг исчезновения,
сакральный смысл, известный лишь богам.
Нам, людям, не дано его постичь,
мы различить не в силах эту сущность.
Орфей, Орфей!
Не вздумай оглянуться,
оглянешься
и в это же мгновение
ты за спиной увидишь пустоту.

Похороны птички

Франческа Ярбусовой

Хочу бродить ночами по Парижу,
дурачиться, пить из горла — и в Сене
плевать с моста, как Франсуа Виньон.
Хочу занять у итальянцев небо,
чтоб небо первозданной чистоты
всегда сияло над моей башкой.
Хочу — чего на свете не бывает —
чтобы во мне проснулась кровь египтян,
и, оказавшись в главной точке мира,
я у подножья вечной пирамиды
застыл, как на верблюде бедуин.
Я бы сейчас немедленно уехал
(опасен здешний климат для здоровья),
но мне мешают «Похороны птички»,
эскиз, написанный рукой Франчески,
но так и не вошедший в фильм Норштейна,
возможно, по техническим причинам.